

RU

Писательская стратегия З. Шаховской в книге “Vie d’Alexandre Pouchkine”: отбор, трансформация и конструирование биографического нарратива

Корчевская О. В.

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной первой развернутой биографии А. С. Пушкина на французском языке и малоизученному тексту русского зарубежья – книге Зинаиды Шаховской “Vie d’Alexandre Pouchkine” (1938). Цель исследования – определить природу писательской стратегии З. Шаховской, установив закономерности отбора, трансформации и конструирования биографического нарратива. Научная новизна заключается в доказательстве концептуальной природы текста Шаховской. Полученные результаты показали, что скрытая источниковедческая база книги представляет собой синтез западноевропейской традиции (П. Мериме, Э.-М. де Вогюэ) и новейшей русской пушкинистики (М. Алексеев, А. Ахматова, Б. Томашевский). Установлено, что тенденциозный отбор фактов работает на создание понятного западному читателю образа поэта-мученика самодержавия. Доказано, что параллельно с этой либеральной трактовкой в книге последовательно проводится православная линия, что позволило квалифицировать метод Шаховской как «двойное кодирование». Новаторским приемом писательницы является включение в повествование писем Пушкина на французском языке. В результате книга предстает как продуманный опыт культурного посредничества, впервые адаптировавший достижения русской пушкинистики для западной аудитории 1930-х годов.

EN

Z. Shakhovskaya’s writing strategy in the book “Vie d’Alexandre Pouchkine”: selection, transformation, and construction of a biographical narrative

O. V. Korchevskaya

Abstract. The article is devoted to a little-known first detailed biography of A. S. Pushkin in French and a little-studied text of the Russian diaspora – “Vie d’Alexandre Pouchkine” (1938) by Zinaida Shakhovskaya. The aim of the study is to determine the nature of Z. Shakhovskaya’s writing strategy, establishing the patterns of selection, transformation and construction of a biographical narrative. Scientific novelty lies in proving the conceptual nature of the text. The obtained results showed that the hidden source base of the book is a synthesis of the Western European tradition (P. Mérimée, E.-M. de Vogüé) and the latest Russian Pushkin studies (M. Alekseev, A. Akhmatova, B. Tomashevsky). It has been established that the tendentious selection and presentation of facts work on creating an image of the poet-martyr of autocracy, understandable to the Western reader. It has been demonstrated that alongside this liberal interpretation, the book consistently pursues an Orthodox line, allowing Shakhovskaya’s method to be characterized as “double coding”. The writer’s innovative approach is to incorporate Pushkin’s letters in French into the narrative. As a result, the book emerges as a thoughtful exercise in cultural mediation, adapting the achievements of Russian Pushkin studies for a Western audience in the 1930s for the first time.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения роли литературы русского зарубежья в формировании образа русской классики на Западе. Книга Зинаиды Шаховской “Vie d’Alexandre Pouchkine” («Жизнь Александра Пушкина», 1938) занимает уникальное место в истории русско-французских культурных связей как первая развернутая биография Пушкина на французском языке. До ее появления франкоязычный читатель знакомился с ним лишь по очеркам Ш. Бодье, П. Мериме и Э.-М. де Вогюэ, концентрирующимся на творчестве поэта. Несмотря на очевидную значимость этого труда как первого опыта

полноценной биографии, он остается практически неисследованным: франкоязычная пушкиниана Шаховской отсутствует в основных библиографических сводах и трудах, посвященных как рецепции Пушкина во Франции, так и пушкиниане Русского зарубежья (Трыков, 2008; Филин, 2004). Единственное исключение составляют работы западных славистов В. Кудениса (Coudenus, 2001; 2018) и С. Чечович (2015; Сесович, 2015), которые обратились к наследию писательницы в контексте русско-бельгийского культурного трансфера 1930-х годов. Однако, при всей значимости этих исследований, они сосредоточены исключительно на имагологической проблематике и не предлагают системного анализа текста самой книги: их выводы опираются на отдельные наблюдения, тогда как вопрос об источниках, технике отбора и трансформации материала, то есть о внутренней структуре и генезисе *“Vie d’Alexandre Pouchkine”*, остается открытым. Восполнение этой лакуны позволяет не только ввести в научный оборот забытый текст, но и уточнить механизмы адаптации русской литературы для западной аудитории 1930-х годов.

Материалом исследования послужило первое и единственное прижизненное издание книги З. Шаховской *“Vie d’Alexandre Pouchkine”* (Брюссель, 1938), а также сборник ее поздних русскоязычных рассказов «Рассказы, статьи, стихи» (Париж, 1978), привлеченный для компаративного анализа эволюции авторских оценок.

Теоретическую базу работы составили, во-первых, фундаментальные труды по истории и текстологии русской пушкинистики (Томашевский, 1937; Алексеев, 1935); во-вторых, исследования, посвященные рецепции Пушкина на Западе и в среде русской эмиграции (Трыков, 2008; Филин, 2004); в-третьих, работы по теории культурного трансфера и нарратологии (Coudenus, 2001; 2018), позволившие осмыслить книгу Шаховской как инструмент межкультурной коммуникации.

В соответствии с поставленной целью в работе решались следующие задачи:

- выявить круг источников, которыми пользовалась З. Шаховская при написании биографии, и реконструировать принципы работы с ними, несмотря на отсутствие в книге ссылочного аппарата;
- классифицировать фактические неточности, содержащиеся в тексте, и определить их природу (случайные/концептуальные) для понимания границ между документом и авторским вымыслом;
- охарактеризовать способы презентации образа Пушкина западному читателю, уделив особое внимание репрезентации его связей с европейской культурой и использованию эпистолярного наследия поэта;
- выявить и описать основные компоненты писательской стратегии Шаховской, включая механизмы «двойного кодирования» (политического и религиозного пластов повествования).

Методы исследования определены его междисциплинарным характером. Текстологический и источниковедческий анализ применялся для сопоставления текста Шаховской с трудами П. Анненкова, В. Вересаева, А. Ахматовой и др. с целью реконструкции скрытой источниковедческой базы. Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть книгу в контексте как западноевропейской (Мериме, Вогюэ), так и русской (Достоевский) традиций осмысления пушкинской биографии. Нарративный анализ использовался для изучения приемов конструирования сюжета и способов создания эффекта «подлинности». Имагологический подход стал ключевым для выявления стратегий адаптации образа «чужого» (русского поэта) для «своей» (западной) аудитории.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XX века, литературе русского зарубежья, спецкурсах по проблемам межкультурной коммуникации и теории биографического жанра, а также при подготовке комментариев к переизданию книги З. Шаховской.

Обсуждение и результаты

Пушкиниана Шаховской была создана к столетнему юбилею гибели поэта (1937), широко отмечавшемуся в эмигрантской среде. В конце 1930-х годов писательница уже прочно обосновалась в бельгийской литературной среде и активно занималась культурным трансфером, публикуя в журналах *“Le Thyse”*, *“La Cité Chrétienne”*, *“Revue des Poètes Catholiques”* статьи о русской литературе – классической, эмигрантской и даже советской. Юбилей Пушкина стал для нее естественным поводом обратиться к фигуре национального гения и представить его западной аудитории.

“Vie d’Alexandre Pouchkine” создает иллюзию «легкого эссе»: отсутствие ссылочного аппарата, беллетризованная манера изложения, элементы художественного вымысла – все это располагает к восприятию книги как литературного портрета, не требующего источниковедческой реконструкции. Однако, как будет показано, за внешней непринужденностью стоит серьезная и многослойная работа с источниками, включающая как прямое заимствование, так и творческую переработку материалов русской и французской пушкинистики.

Жанровая природа *“Vie d’Alexandre Pouchkine”* синтетична: это литературно-эссеистический портрет, в котором документально-биографический и литературно-критический материал соседствует с элементами художественного вымысла (беллетризованной биографии) и субъективной интерпретации. При отчетливо ненаучном подходе в книге прослеживаются черты определенной методологии: Шаховская последовательно придерживается историко-культурного и биографического методов, а также исходит из убеждения в глубоком автобиографизме пушкинского творчества, видя в нем отражение как внешних событий, так и внутренней духовной жизни поэта.

1930-е годы были временем расцвета русской пушкинистики. Исследователям стали доступны черновики, письма и дневники, выходили полные собрания сочинений, активно публиковались биографические материалы,

собранные П. Анненковым, П. Бартеневым, В. Вересаевым. Появлялись и новые опыты осмысления жизни поэта: беллетризованная биография Ю. Тынянова (1935-1943), обстоятельные труды А. Тырковой-Вильямс (1929, 1948) и Г. Чулкова (1938). Параллельно развивалась традиция религиозно-философского осмысления Пушкина, восходящая к символистам и давшая «метафизическое прочтение феномена Пушкина» (Полонский, 2024, с. 28).

В этой насыщенной интеллектуальной среде Шаховская выступала как посредник между традициями: она была знакома и с трудами французских предшественников (Мериме, Вогюэ), и с работами русских биографов, и с новейшими советскими изданиями. Однако, за единственным исключением (ссылка на «одного советского биографа», за которым безошибочно угадывается В. Вересаев), она никогда не называет своих источников.

Типология фактических неточностей

Отсутствие в «*Vie d'Alexandre Pouchkine*» ссылочного аппарата и декларируемая автором установка на создание «живого», а не академического образа поэта закономерно ставят вопрос о достоверности излагаемых фактов. Сопоставление текста Шаховской с доступными ей источниками (мемуарными, эпистолярными, научными) обнаруживает целый ряд фактических неточностей, которые могут быть классифицированы по их природе и степени системности. Выявление этой типологии необходимо не для «уличения» автора в небрежности, но для понимания логики его работы с материалом и границ между документом и вымыслом в создаваемом биографическом нарративе.

Все выявленные ошибки могут быть разделены на три основные группы: случайные (технические), хронологические и содержательные (интерпретационные). Каждая из групп имеет различную природу и по-разному характеризует писательскую стратегию Шаховской.

К случайным ошибкам относятся неточности, которые с наибольшей вероятностью объясняются условиями работы над книгой, а не сознательной установкой автора. Шаховская, по-видимому, что-то воспроизводила по памяти или в условиях спешки, без перепроверки, что приводило к искажению отдельных деталей. Наиболее показательными ошибками такого рода являются следующие: ошибка в дате рождения поэта (27 мая вместо 26 мая) (Schakhowskoj, 1938, p. 11); путаница с именами Аристотеля и Ариосто (Schakhowskoj, 1938, p. 27) (примечательно, что во французском написании Aristote и Arioste действительно близки, что могло спровоцировать ошибку); подмена гувернера, обижавшего поэта в детстве: Монфор вместо Руссло или Шеделя (Schakhowskoj, 1938, p. 15). Эти ошибки не имеют концептуального значения и не влияют на общую интерпретацию образа Пушкина.

Более существенными являются хронологические ошибки и смысловые сдвиги, поскольку они затрагивают логику повествования и нередко ведут к искажению исторической перспективы. Шаховская, стремясь к драматической концентрации материала или, скорее, ограниченная в объеме книги или сроках работы, допускает компрессию времени и перенос событий из одного периода в другой.

Ярким примером является географическая редукция южной ссылки до Каменки, Одессы и Кишинева с исключением Кавказа и Крыма. Это не только обедняет реальную географию, но и ведет к содержательным ошибкам: открытие Байрона приурочивается к Каменке, а работа над «Кавказским пленником» – к Кишиневу. Это искажает как хронологию, так и логику творческого развития поэта.

Наиболее интересная для текстологического анализа группа ошибок связана не с механическим воспроизведением, а с сознательным отбором и интерпретацией фактов в соответствии с авторской концепцией. Здесь Шаховская не просто ошибается, но выбирает из доступных источников те версии, которые работают на создание определенного образа поэта.

Ориентация на франкоязычную аудиторию закономерно определяет особое внимание Шаховской к связям Пушкина с западноевропейской, и прежде всего французской, культурой. Это важнейшая часть ее писательской стратегии и ради нее она порой сознательно или неосознанно допускает неточности. Симптоматичным является ошибочное отнесение к кругу С. Л. Пушкина в Москве Жозефа де Местра (Schakhowskoj, 1938, p. 13), влиятельного католического писателя и философа, вместо его младшего брата Ксавье, художника-миниатюриста, писавшего портреты членов семьи и дававшего уроки О. С. Пушкиной. Эта «оговорка по Фрейду» выдает стремление вписать детство Пушкина в контекст больших европейских идей, даже ценой фактической неточности.

Показательным является и игнорирование писательницей чернового характера эпитафий из Пиндемонти и Гете к «Кавказскому пленнику» (Schakhowskoj, 1938, p. 34). Для Шаховской важна демонстрация европейских связей поэта, и она подает эти эпитафии как окончательные, не вдаваясь в текстологические тонкости.

Пушкин и Европа: стратегия «своего среди чужих»

В трактовке проблемы «Пушкин и западноевропейская литература» писательница решает двуединую задачу: с одной стороны, продемонстрировать глубину и органичность европейских влияний на формирование поэта, с другой – преодолеть устойчивый стереотип, воспринимавший Пушкина на Западе лишь как талантливого подражателя. Вся книга строится на балансировании между этими полюсами.

Принципиальным для Шаховской становится различие двух типов восприятия французской культуры в России. Она противопоставляет поверхностную галломанию («квази-французскую» культуру) и подлинную европейскую просвещенность. К первой принадлежит дом родителей поэта: «*La maison des Pouchkine était une maison quasi française. Les sympathies de Serge Lvovitch la peuplèrent de livres et d'amis français*» (Schakhowskoj, 1938, p. 13). / Дом Пушкиных был квази-французским. Пристрастия Сергея Львовича наполнили его французскими книгами

и друзьями (здесь и далее перевод с французского выполнен автором статьи. – О. К.). Шаховская сознает неоднородность французской литературы и неоднозначность французского влияния: именно неограниченный доступ к библиотеке отца, “*toute remplie d’auteurs érotiques français du XVIIIe siècle*” (Schakhowskoï, 1938, p. 13) / «полной французскими эротическими авторами XVIII века», она связывает с ранним пробуждением чувственности и беспорядочностью юности поэта.

Истинными носителями европейского духа для Шаховской выступают представители «просвещенного дворянства» – “*la fleur de la noblesse russe*” / цвет русской знати, осознававший свой долг “*servir la Russie dans sa culture*” / служить России через служение ее культуре (Schakhowskoï, 1938, p. 24-25). К этому кругу она относит Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Вяземского, Чаадаева, а также драматурга А. А. Шаховского, дальнейшее родство с которым для нее значимо как доказательство ее кровной причастности к русской литературе.

В описании литературной эволюции Пушкина Шаховская в целом следует траектории, заданной еще Мери-ме и Вогюэ: от французских авторов XVIII века (Парни, Вольтер) в лицейский период – к Байрону в годы южной ссылки, и далее – к Шекспиру и Вальтеру Скотту. Однако она существенно обогащает эту схему конкретными наблюдениями, почерпнутыми из новейшей пушкинистики.

Из статьи Анны Ахматовой (1936) Шаховская заимствует тезис о значении романа Бенжамена Константа «Адольф» для формирования психологического реализма «Евгения Онегина»: “*C’est du réalisme psychologique appris dans Adolphe de Benjamin Constant*” (Schakhowskoï, 1938, p. 56). Сведения о западноевропейских источниках «Маленьких трагедий» («Моцарт и Сальери», «Каменный гость») – отсылки к “*Journal des Débats*”, роману немецких авторов о музыканте, предисловию Бомарше к опере «Тарар» – восходят, без указания источника, к комментариям М. П. Алексеева (1935, с. 535-537) в академическом издании 1935 года. Вероятно знакомство со статьей Б. Томашевского «Пушкин и французская литература» (1937), откуда могла быть почерпнута характеристика «Руслана и Людмилы» как искусного соединения фольклорных источников с мотивами «Орлеанской девы» Вольтера и «Неистового Роланда» Ариосто.

Примечательно, что Шаховская, используя конкретные наблюдения Томашевского, не следует за его концептуальным выводом. Томашевский настаивал, что связь Пушкина с французской традицией не исчерпывается категориями «влияния» и «подражания»: «ясность мысли, положительность и трезвость оценок, остроумие и конкретность изображения» были свойствами его природного дарования, которое французская школа лишь помогла развить, выведя «его на свой оригинальный путь в русской литературе» (1937, с. 74). Шаховская, напротив, акцентирует именно момент преодоления влияний и обретения самостояния, оставляя в стороне вопрос об изначальном родстве дарований.

В трактовке пушкинского преодоления байронизма Шаховская прямо опирается на «Пушкинскую речь» Достоевского. Она воспроизводит его интерпретацию Алеко как первого литературного воплощения «русского странника» – “*pèlerin malheureux dans sa terre natale, de ce martyr éternel que la terre russe connaîtra longtemps*” (Schakhowskoï, 1938, p. 42). / «несчастливого скитальца в родной земле, этого вечного мученика, которого русская земля будет знать долго». Этот образ приобретал особую актуальность в эмигрантской среде, переживавшей собственное «странничество» как экзистенциальную и национальную судьбу. Показательно, что брат З. Шаховской, архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), избрал себе литературный псевдоним «Странник», что придавало теме «странничества» для писательницы не только литературный, но и глубоко личный, духовно-биографический смысл, подготавливая почву для религиозной интерпретации пушкинского пути.

Наиболее оригинальным и концептуально значимым у Шаховской становится переосмысление знаменитой формулы Достоевского. Если для автора «Дневника писателя» «всечеловечность» Пушкина была свидетельством мессианского призвания России, то Шаховская предлагает психологическую интерпретацию. Способность описывать “*les terres qu’il n’a jamais vues*” (Schakhowskoï, 1938, p. 51) / земли, которых он никогда не видел, объясняется компенсаторным механизмом: запретная жажда путешествий, невозможность увидеть мир реализуются в творчестве. Гибкая восприимчивость поэта оказывается не столько метафизическим свойством русской души, сколько психологическим следствием внешних ограничений. Этот прагматический подход сближает Шаховскую скорее с Вогюэ, объявившим Пушкина наднациональным космополитом, чем с Достоевским. Однако она не принимает крайностей ни той, ни другой позиции, оставляя вопрос о соотношении «наднационального» и «русского» в пушкинском гении открытым.

Из этого открытого вопроса и рождается парадокс, который Шаховская не разрешает, но фиксирует с афористической остротой. Если Пушкин – «свой» для Европы (по образованию, кругу чтения, языку мышления), то почему он остается «чужим» для западного читателя? Почему его поэзия, в отличие от прозы или писем, не поддается адекватному переводу? Ответ Шаховской обретает форму почти трагического тезиса о принципиальной непереводаемости Пушкина: “*il est condamné – condamnation qui est peut-être une bénédiction – à ne jamais quitter la Russie, comme après sa mort il sera condamné à rester ignoré parce qu’intraduisible par les Occidentaux qu’il connaissait si bien*” (Schakhowskoï, 1938, p. 51). / «он обречен – и эта обреченность может обернуться благословением – никогда не покидать Россию, точно так же, как после смерти он из-за своей непереводаемости окажется обреченным на неизвестность на Западе, который он так хорошо знал». Так, всечеловечность, понятая психологически, оборачивается не путем к мировому признанию, а констатацией трагического разрыва: само органическое родство Пушкина с европейской культурой делает его поэзию неуловимой для нее.

Именно этот разрыв и зафиксированный ею тезис о «проклятии непереводаемости» становятся для Шаховской личным вызовом. В годы пушкинского юбилея тема преодоления этого разрыва выходит для нее на первый

план. Она предпринимает целый ряд усилий, чтобы разрушить устойчивый на Западе миф о Пушкине-подражателе и сделать его поэзию доступной франкоязычному читателю. Первым шагом стало приглашение в Бельгию В. Набокова с докладом «Пушкин, или Правда и правдоподобие», где молодой эмигрантский писатель доказывал, что «подражательность» Пушкина – иллюзия, порожденная неудачными французскими переводами, невольно ориентированными на французские поэтические образцы. Вслед за этим Шаховская инициирует создание сборника “*Hommage à Pouchkine*” («Оммаж Пушкину», 1937), для которого ее друзья – П. Фиренс, Р. Мёран, Э. и Р. Вивье, В. Набоков, М. Цветаева – переводят стихи Пушкина на французский. Однако критика встретила сборник «не очень благосклонно» (Coudenys, 2001, p. 165).

Неудача с переводами не останавливает Шаховскую, а подталкивает к поиску иных стратегий. В своей биографии она идет двумя путями одновременно. Во-первых, она активно включает в текст книги переводы пушкинских стихов, как свои, так и выполненные авторитетными специалистами (как, например, перевод строк из «Полтавы», принадлежащий профессору Андре Лиронделлю (Schakhowskoy, 1938, p. 53)). Во-вторых, и это становится ее подлинным новаторством, она дает слово самому Пушкину – но не поэту, а автору писем. Страницы книги насыщены пространными цитатами из франкоязычных писем поэта. Этот прием решал сразу две задачи: он с предельной наглядностью демонстрировал европейскую образованность поэта и одновременно создавал эффект его непосредственного присутствия, «подлинного голоса». Если стихи Пушкина, по убеждению Шаховской, принципиально непереводимы, то его французские письма дают западному читателю уникальную возможность услышать Пушкина таким, каким он слышал сам себя.

Политический миф в “Vie d’Alexandre Pouchkine”

Второй миф о Пушкине на Западе, с которым Шаховская пробует взаимодействовать, – это миф о Пушкине как политическом бунтаре и «жертве режима». В. Куденис (Coudenys, 2001, p. 165), опираясь на предшествующую книге статью Шаховской на нидерландском языке, утверждает, что писательница отказалась от политической трактовки образа Пушкина в пользу религиозной. Действительно, в эссе “*Transfiguration de Pouchkine*” («Преображение Пушкина», 1938) религиозная тематика выходит на первый план. Однако применительно к “*Vie d’Alexandre Pouchkine*” этот тезис нуждается в существенной корректировке. В книге политическая и религиозная линии сосуществуют, причем первая проводится последовательно и с несомненной эмоциональной вовлеченностью автора.

Политическая проблематика входит в книгу исподволь, но присутствует на всем ее протяжении. Уже во второй главе, посвященной лицейскому периоду жизни поэта, Шаховская вводит мотив “*siècle cruel*” («жестокое века») (Schakhowskoy, 1938, p. 19), задавая тем самым определенный ракурс восприятия дальнейших событий. Характеристики отдельных исторических лиц, с которыми сталкивался Пушкин, выдержаны в последовательно критическом ключе: Аракчеев назван “*féroce et étroit ministre*” (Schakhowskoy, 1938, p. 27) / суровый и недальновидный министр, Воронцов – “*un gentilhomme hautain qui ne se gêne pas avec ses subordonnés...*” (Schakhowskoy, 1938, p. 36) / надменный джентльмен, не сдерживающий себя с подчиненными..., Бенкендорф – “*homme peu cultivé et dénué absolument de tact*” (Schakhowskoy, 1938, p. 48). / «человек малообразованный и совершенно лишенный такта».

Примечательно, что Шаховская, будучи противницей революций (что характерно для эмигрантов первой волны), в данном случае безусловно принимает сторону декабристов, именуя их «лучшими умами России», выступившими “*pour la liberté de l’esprit, pour l’adoucissement du régime*” (Schakhowskoy, 1938, p. 27). / «за свободу мысли, за смягчение режима». Эта позиция обнаруживает явный разрыв с монархическими убеждениями, которые можно было бы ожидать от представительницы древнего княжеского рода.

Наиболее показательной для понимания политической тенденциозности Шаховской является ее трактовка истории с цензурой «Бориса Годунова». Этот эпизод занимает особое место в книге и сопровождается развернутым комментарием. Шаховская пишет: “*Boris, cet enfant chéri de Pouchkine, fut taillé par des ciseaux impitoyables d’une façon trop ridicule*” (Schakhowskoy, 1938, p. 49). / «Борис», любимое детище Пушкина, был нелепо изрезан беспощадными ножницами». В примечании она детализирует свою версию событий:

“*Ainsi dans la scène 2, quand après l’assassinat de Marie Godounoff et de Théodore un des assassins annonce au peuple assemblé devant le palais leur mort, il les invite à acclamer le nouveau tsar, le Faux-Dimitry: "Crier: Vive le tsar Ioannovich" – Pouchkine, qui connaissait bien le coeur changeant des foules, la fait crier docilement: "Vive!"; mais le censeur, choqué par cette acclamation adressée à un imposteur, remplaça le "Vive!" par un prudent "Le peuple se tait". Quand Godounoff abîmé et mutilé revint à Pouchkine accompagné de remarques ineptes et du conseil de transformer cette tragédie en un roman historique "à la Walter Scott", Pouchkine dépité refusa de le laisser paraître*” (Schakhowskoy, 1938, p. 49). / «Так, во второй сцене, когда после убийства Марии Годуновой и Федора один из убийц объявляет об их смерти собравшемуся перед дворцом народу и предлагает ему приветствовать нового царя, Лжедмитрия: “Кричите: да здравствует царь (пропущено: Димитрий) Иоаннович!” – Пушкин, хорошо знавший изменчивость толпы, заставляет её покорно кричать: “Да здравствует!”; но цензор, возмущённый этим возгласом, адресованным самозванцу, заменил “Да здравствует!” осторожным: “Народ безмолвствует”. Когда изрезанный и изуродованный “Годунов” вернулся к Пушкину с неуместными замечаниями и советом превратить эту трагедию в исторический роман “а-ля Вальтер Скотт”, Пушкин, расстроенный, отказался печатать его».

В этой версии Шаховская воспроизводит либеральный миф, что Пушкина принудили изменить концовку трагедии, упоминавшийся в очерке о Пушкине П. Мериме и получивший распространение в пушкинистике с 80-х гг. XIX в., но опровергнутый исследованиями XX столетия (Лотман, 1996, с. 352). Обращение к документам

обнаруживает существенные расхождения с интерпретацией Шаховской. Резолюция Николая I, предлагавшая переделать трагедию в роман «на подобие Вальтера Скотта», не была произвольной: она основывалась на экспертных «Замечаниях», подготовленных в III Отделении. Что касается знаменитой финальной ремарки «Народ безмолвствует», то вопрос о ее происхождении сложнее, чем предполагала либеральная традиция, и продолжает обсуждаться до сих пор. Но современная наука однозначно не подтверждает версию о принудительной замене.

Выбор Шаховской в пользу этой версии симптоматичен: она отдает предпочтение не столько научной достоверности, сколько драматической выразительности. Образ поэта, чей гений сталкивается с непониманием власти, оказывается для нее важнее текстологических тонкостей. Однако, как будет показано далее, политический конфликт не является для Шаховской единственным или главным ключом к пониманию пушкинской судьбы.

Политическая тенденциозность Шаховской отчетливо проявляется и в описании последних дней Пушкина. Основным источником для нее служит знаменитое письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года – подробнейшее свидетельство о последних часах поэта. Однако Шаховская использует этот источник выборочно.

Она воспроизводит детали физических страданий Пушкина, его мужество и кротость, подробно останавливается на сцене прощания. Однако она полностью обходит вниманием те фрагменты письма Жуковского, которые свидетельствуют о благоговейном отношении поэта к императору и о многочисленных знаках монаршего участия: «Скажи ему, – отвечал он, – что мне жаль умереть; был бы весь его» (Жуковский, 1960, с. 610). Эта фраза, исполненная глубокого смысла, отсутствует у Шаховской. Она упоминает лишь о том, что Николай I оплатил долги поэта и обеспечил семью – факт, который в ее изложении выглядит скорее формальностью, нежели актом милосердия.

Более того, Шаховская вводит прямые обвинения в адрес императора: Николай знал о готовящейся дуэли и мог ее предотвратить; он не явился проститься с умирающим поэтом. Укором властям служит и сообщение о том, что в Александринском театре из опасений народных волнений отменили представление «Скупого рыцаря», заменив его водевилем. Наиболее убийственной становится финальная фраза: «Ce ne fut que le 3 février que le corps d'Alexandre Pouchkine quitta à minuit la ville qui le tua. Seul Alexandre Tourgueneff, le fidèle et loyal ami de toujours, fut autorisé à accompagner dans son dernier voyage le corps» (Schakhowskoy, 1938, p. 75). / «3 февраля тело Александра Пушкина покинуло убивший его город. И только Александру Тургеневу, навечно преданному другу, было позволено сопровождать тело в последний путь».

Таким образом, в изображении Шаховской фигура императора оказывается если не прямо ответственной за гибель поэта, то, во всяком случае, нравственно скомпрометированной. Пушкин предстает жертвой системы, а его смерть – трагическим финалом конфликта гения с «жестоким веком».

Тенденциозность политической трактовки становится особенно очевидной при сопоставлении «Vie d'Alexandre Pouchkine» с поздними русскоязычными работами Шаховской. В рассказе-фантазии «Старость Пушкина» (1970-е годы) она кардинально пересматривает свои оценки. Ее 70-летний Пушкин сожалеет о том, что приложил руку к возведению «напраслины» на Николая I: «Ну, какой он был тиран? Ведь много раз хотел меня спасти от меня самого...» (Шаховская, 1978, с. 11). Столь же резко меняется и отношение к декабристам: «Российский Кромвель-Пестель, Наполеон au petit pied, И народ русский не любил. Холодная бестия был» (Шаховская, 1978, с. 11).

Эта эволюция – от резко критического, почти обличительного тона в отношении самодержавия к гораздо более взвешенной, а подчас и апологетической позиции – свидетельствует о том, что в 1938 году Шаховская сознательно следовала определенной стратегии. Работая для бельгийской католической аудитории, она предлагала тот образ России и ее истории, который был ожидаем и понятен западному читателю.

Политическая линия в книге Шаховской, при всей ее очевидности, не может быть понята вне более широкого контекста ее писательской стратегии. Да, она использует элементы либерального мифа, хорошо знакомого западной аудитории. Да, она акцентирует конфликт поэта с властью. Однако этот конфликт разрешается не в политической, а в религиозной плоскости. Смерть Пушкина изображена у Шаховской не как поражение в борьбе с самодержавием, а как христианское преображение, что радикально меняет оптику восприятия всей его судьбы. Политическое здесь оказывается лишь внешним слоем, за которым скрыто более глубокое – метафизическое – измерение. В книге Шаховской последовательно, хотя и в подтексте, проводится иная – православная – линия, превращающая внешние страдания в этапы духовного пути и венчающая земную биографию христианским преображением. Детально религиозный пласт книги Шаховской анализируется в двух других наших статьях, находящихся в печати.

Заключение

Подводя итог анализу писательской стратегии Шаховской, следует подчеркнуть ее принципиальную двойственность. Проведенное текстологическое исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, парадокс стратегии Шаховской заключается в том, что она создает первую французскую биографию Пушкина, опираясь на западноевропейскую традицию (Мериме, Воюэ), новейшие достижения пушкинистики (советской и эмигрантской), ключевые для эмигрантского сознания тексты («Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского), но при этом намеренно скрывает эту базу, имитируя жанр «легкого портрета».

Ее книга – не компиляция, а именно синтез, в котором русская научная традиция впервые адаптируется для западного читателя.

Во-вторых, принципы отбора и трансформации материала обнаруживают последовательную стратегию «двойного кодирования». С одной стороны, Шаховская сознательно использует те элементы либерального мифа о Пушкине, которые делают его образ доступным и эмоционально близким западной аудитории: конфликт с властью, критика самодержавия, образ поэта-мученика. С другой стороны, в книге последовательно, хотя и в подтексте, проводится иная – православная – линия.

В-третьих, подлинным новаторством Шаховской, во многом определившим своеобразие ее книги, стало введение в биографический нарратив «французского голоса» самого поэта. Обильно цитируя письма Пушкина на языке оригинала и специально оговаривая, что перед читателем – подлинные слова поэта, Шаховская достигает уникального эффекта. Она не просто рассказывает о Пушкине как о европейски образованном человеке, но и дает ему слово, позволяя французскому читателю услышать его живую, аутентичную интонацию. Этот прием, с одной стороны, служил мощным доказательством органичности европейской культуры для Пушкина, а с другой – становился попыткой преодолеть «проклятие непереводаемости», создавая иллюзию прямого, не опосредованного переводчиком контакта. Включение эпистолярного наследия поэта на языке подлинника стало важнейшим инструментом культурного трансфера, приближавшим западного читателя к пониманию феномена Пушкина.

Таким образом, книга Шаховской решает главную задачу культурного посредника: Пушкин в ее интерпретации оказывается одновременно «своим» для Европы (по своим европейским корням, по понятному конфликту с властью, по собственному безупречному французскому языку) и «загадочным Другим» (по своему глубинному, не поддающемуся переводу мироощущению). Эта двойственность не является недостатком или противоречием. Напротив, она составляет самую суть культурно-посреднической миссии Шаховской. Она говорит с западным читателем на понятном ему языке (языке политической свободы и прав человека, языке Вольтера и Байрона, языке самого Пушкина), но при этом исподволь вводит его в совершенно иной – православный – универсум ценностей. Открытие текста Шаховской ставит перед исследователями новые вопросы: о возможном влиянии ее книги на Анри Труайя, о рецепции созданного ею образа во Франции и Бельгии, о месте “*Vie d’Alexandre Pouchkine*” в общем контексте русско-европейского культурного трансфера XX века. Ответы на эти вопросы – задача будущих исследований.

Материалы исследования | Research materials

1. Жуковский В. А. Письмо Пушкину С. Л., 15 февраля №1837 г. > // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. Т. 4. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма.
2. Шаховская З. Рассказы, статьи, стихи. Р.: Les Editeurs Reunis, 1978.
3. Schakhowskoy Z. *Vie d’Alexandre Pouchkine*. Bruxelles: Editions de la Cité Chrétienne, 1938.

Источники | References

1. Алексеев М. П. Комментарии // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. Драматические произведения.
2. Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996.
3. Полонский В. В. Кем не стал Пушкин: реальное и потенциальное под судом символистской критики // Полонский В. В. Два века от Карамзина: литература в диалогах с историей и межкультурных связях. М.: ИМЛИ РАН, 2024.
4. Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство / подгот. С. А. Макшиным. М., 1937. Т. 31-32.
5. Трыков В. П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.
6. Филин М. Д. Зарубежная Россия и Пушкин: Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918-1940). Иконография. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004.
7. Чечович С. Преображение Пушкина // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации / отв. ред. А. Б. Куделин. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
8. Cécovic S. La présence des auteurs russes dans la revue catholique belge d’action sociale “La Cité Chrétienne” (1926-1940): enjeux idéologiques // *Translatio y cultura*. Madrid: Colección: Clásicos Dykinson, 2015.
9. Coudenys W. Pushkin in the House of Mirrors: The 1937 Centennial Celebrations in Belgium and the Squared One-or-Two-Cultures Paradigm // Flamm C., Marti R., Raev A. *Transcending the Borders of Countries, Languages, and Disciplines in Russian Émigré Culture*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
10. Coudenys W. Глас вопиющей в литературной пустыне: З. А. Шаховская и русская эмиграция в Бельгии // *Revue des Études Slaves*. 2001. № 73-1.

Благодарность | Acknowledgements

RU Автор выражает искреннюю признательность профессору Виму Куденису (Лёвенский католический университет, Бельгия) за предоставленные цифровые копии материалов, без которых проведение данного исследования было бы невозможным.

EN The author expresses sincere gratitude to Professor Wim Coudenys (KU Leuven, Belgium) for providing digital copies of the materials, without which this research would not have been possible.

Информация об авторах | Author information

RU Корчевская Ольга Валерьевна¹, к. филол. н.
¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

EN Olga Valerievna Korchevskaya¹, PhD
¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

¹ ok_vs@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.02.2026; опубликовано online (published online): 16.03.2026.

Ключевые слова (keywords): Зинаида Шаховская; франкоязычная пушкиниана; пушкиниана русского зарубежья; стратегия «двойного кодирования»; русско-французские литературные связи; Zinaida Shakhovskaya; French-language Pushkin studies; Pushkin studies in the Russian diaspora; strategy of “double coding”; Russian-French literary ties.